

УДК 343.232

DOI [10.17150/1996-7756.2016.10\(1\).126-137](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2016.10(1).126-137)

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛЖИ, ОБМАНА И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОВЕРИЕМ

С.В. Смолин

Кировский филиал Московского гуманитарно-экономического института, г. Киров, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

31 марта 2015 г.

Дата принятия в печать

25 декабря 2015 г.

Дата онлайн-размещения

28 марта 2016 г.

Ключевые слова

Криминализация; общественная опасность; способ совершения преступления; преступный вред; информация; ложь; обман; злоупотребление доверием

Аннотация. В статье рассматривается взаимосвязь использования лжи, обмана и злоупотребления доверием при совершении преступления с характеристиками его общественной опасности, объектами уголовно-правовой охраны и их влияние на содержание общественно опасных последствий. На основе анализа показателей преступности обосновывается вывод о типичности и распространенности преступлений, связанных с использованием лжи, обмана и злоупотребления доверием, в современном обществе. Подвергается критике сложившаяся практика квалификации общественно опасных действий как единого преступления, когда обман является и способом мошенничества, и содержанием деяния, посягающего на интересы правосудия или порядок управления. Определяется соотношение феноменов лжи, обмана и злоупотребления доверием и способа совершения преступления, на основе которого предлагается авторское определение такого понятия, как «информационный» способ совершения преступления, имманентный общественно опасному деянию и составляющий его содержание. В соответствии с предложенным понятием выделяются отдельные признаки «информационного» способа совершения преступления: полное совпадение общественно опасного деяния и его способа с операционной стороны; содержание способа представляет собой один из вариантов использования информации или комбинацию этих вариантов; непосредственное воздействие на общественные отношения и порождение общественно опасных последствий; особый механизм воздействия на объект уголовно-правовой охраны. Анализируется механизм «информационного» способа совершения преступления и образования преступных последствий при его использовании. Обосновывается тезис о том, что ложь, обман и злоупотребление доверием, выступая способом совершения преступления, имманентно присущим деянию и составляющим его содержание («информационным» способом), в определенных сферах общественных отношений (правосудие, государственное и муниципальное управление, экономическая деятельность) представляют существенную опасность для их нормального функционирования, что является достаточным основанием криминализации указанных деяний.

SOCIALLY CONDITIONED CRIMINALIZATION OF LIES, DECEPTION AND ABUSE OF TRUST

Sergey V. Smolin

Kirov Affiliate, Moscow Humanitarian Economic Institute, Kirov, the Russian Federation

Article info

Received

2015 March 31

Accepted

2015 December 25

Available online

2016 March 28

Abstract. The paper examines the links between the use of lies, deception, abuse of trust when committing crimes and the characteristics of their public danger, the objects of criminal law protection as well as their impact on the contents of publically dangerous consequences. The analysis of criminal indices is used to show that crimes connected with lies, deception and abuse of trust are typical and widespread in modern society. The author criticizes the existing practice of qualifying publically dangerous acts as a uniform crime while deception is both a method of committing fraud and the substance of criminal infringement on the interests of justice and the order of governance. He also shows a correlation between the phenomena of lies, deception and abuse of trust and modus operandi of a crime. It is used as a basis for the author's definition of «informational» modus operandi of a crime that is immanent in a publically

Keywords

Criminalization; public danger; modus operandi of a crime; criminal harm; information; lie; deception; abuse of trust

dangerous act and constitutes its content. In accordance with the presented concept, the author specifies attributes of the «informational» way of committing a crime: a publically dangerous act and its modus operandi fully match in their operational aspect; the modus operandi is one of the options of using the information or a combination of such options; immediate impact on social relations and the emergence of publically dangerous consequences; a special mechanism of influencing the object of criminal law protection. The paper contains the analysis of the «informational» way of committing a crime and the criminal consequences resulting from its use. The author proves that lies, deception and abuse of trust, when acting as a crime's modus operandi immanent in an action and constituting its content (the «informational» way), pose a serious threat in certain spheres of social relations (justice, state and municipal governance, economic activities), which is sufficient reason for criminalizing them.

В последние годы вопросы криминализации и декриминализации общественно опасных деяний в целом, а также посягательств, связанных с преступным использованием лжи, обмана и злоупотребления доверием в сфере экономических отношений, правосудия и государственного управления, являются предметом пристального внимания как отечественных специалистов [1; 2], так и западноевропейских и американских криминологов [3–5]. При решении указанных вопросов главенствующая роль всеми без исключения исследователями совершенно справедливо отводится общественной опасности деяния, которая разными авторами представляется в качестве принципа, критерия, основания или условия криминализации.

В дореволюционной отечественной уголовно-правовой науке обман и злоупотребление доверием рассматривались в основном фрагментарно в рамках исследования ряда основных институтов Общей части уголовного права (соучастия [6, с. 275], обстоятельств, смягчающих наказание [7, с. 134]), а также конкретных составов преступлений [8; 9].

В теории советского уголовного права детальных исследований общественной опасности преступного использования лжи, обмана и злоупотребления доверием не проводилось, данный вопрос лишь обозначался в отдельных работах, посвященных уголовно-правовой оценке указанных феноменов [10–12], хотя, по мнению Р.А. Сабитова, рассматриваемые преступления наносят огромный вред интересам государства и личности, хозяйственному строительству и нравственному воспитанию человека [11, с. 3–4].

При рассмотрении оснований криминализации преступлений, связанных с использованием лжи, обмана и злоупотребления доверием,

необходимо обратиться к анализу состояния, динамики и структуры преступности, регистрируемой в тех сферах общественных отношений, которые связаны с оборотом значительных объемов информации или в которых оперирование недостоверными сведениями или их сокрытие от участников отношений может причинить им существенный вред. Так, по данным ГИАЦ МВД России за три года (2012–2014 гг.), удельный вес преступлений в сфере экономической деятельности, совершенных посредством использования лжи и обмана, возрос с 72,8 до 76,4 %. За обозначенный период большинство преступлений против правосудия также совершено с использованием лжи и обмана. В частности, на долю наиболее распространенных посягательств указанного вида (ст. 303, 306, 307, 316 УК РФ) в 2013 г. пришлось 52,6 % всех зарегистрированных преступлений, предусмотренных гл. 31 УК РФ. Неуклонно растет доля рассматриваемых посягательств в числе преступлений против порядка управления: с 48,7 % в 2012 г. до 51,2 % в 2014 г. Те же процессы происходят с динамикой рассматриваемых посягательств на отношения собственности: доля всех видов мошенничеств и деяний, предусмотренных ст. 165 УК РФ, в общем числе преступлений против собственности за указанные три года выросла с 10,5 до 12,6 %¹.

Само по себе использование лжи, обмана и злоупотребления доверием, не в связи с нарушением каких-либо общественных отношений, не является преступным. Указанные феномены приобретают уголовно-правовое значение только в связи с причинением вреда охраняемым уголовным правом благам и традиционно рассматриваются в отечественной уголовно-правовой науке в качестве способа совершения

¹ По данным отчета 1-ЕГС ГИАЦ МВД России за 2012–2014 гг.

преступления [12, с. 132; 13, с. 28]. По нашему мнению, в ряде современных публикаций при рассмотрении лжи, обмана и злоупотребления доверием в качестве способов или средств (применительно к обману [11; 14]) совершения преступления их влияние на общественную опасность деяния недооценено. При исследовании имущественных посягательств им в основном отводится роль «вспомогательного действия» [15, с. 146] или «специфического способа совершения преступления» [16, с. 263]. Отчасти это связано с поддерживаемой отдельными авторами позицией об отсутствии прямой связи между способом совершения преступления и объектом уголовно-правовой охраны и, следовательно, между способом и общественной опасностью деяния [17, с. 8–9].

Полагаем, что данная позиция является неверной. Необходимо разграничивать понятие способа совершения преступления как признака объективной стороны деяния и как признака состава преступления, при этом способ как элемент состава преступления является юридической фикцией, поскольку он искусственно отделен от деяния, хотя в реальности при совершении преступления они слиты воедино [18, с. 82; 19, с. 83]. В связи с изложенным любое преступление совершается определенным способом. При этом способ совершения деяния детерминирован непосредственным объектом посягательства [20, с. 55] и детерминирует качественное и количественное своеобразие причиняемого преступлением вреда общественным отношениям [21, с. 56–57]. Таким образом, способ совершения общественно опасного деяния выступает своеобразным связующим звеном между объектом посягательства и наступившими общественно опасными последствиями. Следовательно, установление специфики этой связи имеет важнейшее значение, так как характеристика общественной опасности невозможна без оценки объекта уголовно-правовой охраны, а также качественных и количественных показателей общественно опасных последствий.

Ложь, обман и злоупотребление доверием выступают способами совершения посягательств на значительное количество видовых объектов, предусмотренных главами УК РФ. Ю.Ю. Малышева, применяя расширительное толкование обмана, рассматривает его в качестве способа совершения 54 преступлений,

предусмотренных УК РФ [22, с. 7–9]. Р.А. Сабитов и Е.Ю. Сабитова, определяя виды преступлений, совершаемых путем лжи и обмана, исходят не из специфики охраняемых благ, а из формально-логического анализа юридико-технических приемов, применяемых законодателем при описании признаков деяний в конструкциях составов преступлений («ложный», «подложный», «обманный») [20, с. 50–53]. Вместе с тем указанные авторы ограничиваются классификацией, не акцентируя внимание на механизме воздействия рассматриваемых способов совершения преступлений на объект уголовно-правовой охраны и специфике их взаимосвязи с общественно опасными последствиями.

В исследованиях, посвященных способу совершения преступления, рядом авторов он рассматривается как деяние «вспомогательного», «служебного» характера по отношению к основному деянию [23, с. 6]. Указанная позиция справедливо критикуется О.Р. Якубович, по мнению которой деяние и способ его совершения образуют единый акт преступного поведения, а способ имеет своим функциональным назначением «обеспечение выполнения конкретного деяния» [24, с. 22–23].

Вместе с тем указанные позиции представляются нам достаточно односторонними и применимыми не для всех, а только для ряда преступлений. Мы поддерживаем позицию Н.И. Панова, по мнению которого взаимосвязь способа и общественно опасного деяния может существовать в двух вариантах: способ имманентен действию, образует его содержание, скрыт в нем; способ выступает в виде отдельного действия, обеспечивающего выполнение основного действия (бездействия) [21, с. 42].

Поддерживая указанную позицию, отметим, что в подавляющем большинстве рассматриваемых нами преступлений ложь, обман и злоупотребление доверием образуют содержание преступного деяния. В гораздо меньшей группе преступлений исследуемые феномены выступают в виде вспомогательного «автономного» [19, с. 63] действия, связанного с основным (например, ст. 159, 159.1–159.5, 165, 226.1, 193.1 УК РФ).

Касательно соотношения феноменов лжи и обмана с признаками состава преступления похожая позиция была предложена Е.В. Медведевым. Он, пытаясь определить виды и формы

лжи, в которых она представлена в составах преступлений, разделил последние на три группы. В первой группе ложь составляет содержание самого преступного деяния (например, ст. 128.1, 207, 306 УК РФ), во второй — выступает одним из средств или способов совершения преступления либо характеризует содержание вины преступника, являясь «неотъемлемым признаком состава преступления» (ст. 159, 165, 170, 171, 199 УК РФ), в третьей — служит факультативным признаком объективной или субъективной стороны, который «в большей мере характеризует особенность механизма совершения преступления» (ст. 146, 153, 195, 196 УК РФ) [25]. Указанная позиция представляется нам верной лишь отчасти. Не принимая во внимание явную неточность, допущенную автором относительно соотношения лжи и субъективной стороны (ложь не может быть признаком субъективной стороны и лишь характеризует отдельные ее элементы), отметим, что к первой группе преступлений им применяется термин «использование лжи», ко второй — «средство» или «способ», к третьей — «механизм совершения преступления» [25]. Мы полагаем, что в действительности речь идет об одном и том же — способе совершения преступления. Кроме этого, в деяниях, интегрированных автором в третью группу, использование лжи (обмана) является способом совершения преступления, не всегда предусмотренным уголовным законом, но, тем не менее, присущим любому из указанных в третьей группе деяний. Следовательно, предложенное Е.В. Медведевым выделение форм и видов использования лжи по сути справедливо только в части различных вариантов существования способа совершения преступления, которые были описаны нами выше.

Рассматривая особенности использования лжи, обмана и злоупотребления доверием как способов совершения преступлений и их взаимосвязи с объектами посягательства, необходимо отметить несколько важных не только для теории, но и для правоприменительной практики аспектов. Влияние указанных способов на характер общественной опасности заключается еще и в том, что ложь и обман при совершении деяния в рамках как единого (с операционной стороны) действия, так и совокупности действий могут причинять вред различным группам общественных отношений, относящимся не только

к различным видовым, но и родовым объектам. Например, при использовании заведомо подложного документа в целях совершения хищения в форме мошенничества обман в объективной стороне преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 327 УК РФ, образует содержание общественно опасного деяния в форме действия, в объективной стороне мошенничества — создает необходимые условия, обеспечивает «основное» действие, заключающееся в изъятии чужого имущества. В другом случае, например при фальсификации доказательств по гражданскому делу, совершенной с целью приобретения права на чужое имущество, обман полностью образует содержание общественно опасного деяния и одновременно представляет собой способ совершения двух преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 303 и ст. 159 УК РФ.

Во всех рассматриваемых выше примерах обман, выступая в качестве содержания преступного деяния или создавая необходимые условия для его осуществления (хищение в форме мошенничества), обуславливает причинение вреда разным группам общественных отношений, а следовательно, разным объектам уголовно-правовой охраны: с одной стороны, отношениям по охране собственности, с другой стороны, отношениям по обеспечению интересов правосудия или отношениям в сфере порядка управления. Указанная специфика способа совершения преступления и наличие нескольких объектов посягательства безусловно должны быть приняты во внимание правоприменителем при юридической оценке содеянного как единого преступления или как идеальной совокупности преступлений. Как справедливо по этому поводу указывал Н.И. Панов, уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за подлог (использование подложных документов) и мошенничество, не конкурируют, не находятся в отношении подчинения ни по объему, ни по содержанию, так как имеют существенно различающий их элемент состава — объект преступления [21, с. 103].

В свете изложенного представляется спорным п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51, предусматривающий, что хищение лицом чужого имущества или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием, совершенное с использованием изготовленного другим лицом

поддельного официального документа, полностью охватывается составом мошенничества и не требует дополнительной квалификации по ст. 327 УК РФ². Указанные рекомендации Пленума Верховного Суда РФ ряд правоприменительных органов начал толковать очень широко, распространяя их на случаи конкуренции не только ч. 3 ст. 327 УК РФ и ст. 159 УК РФ, но и ст. 159 и ч. 1 ст. 303 УК РФ, ст. 159 и 306, 307 УК РФ. Приведем лишь несколько примеров. Так, при рассмотрении уголовного дела по обвинению К. по ч. 1 ст. 303, ч. 4 ст. 159 УК РФ в Одинцовском городском суде Московской области государственный обвинитель отказался от обвинения по ч. 1 ст. 303 УК РФ в связи с тем, что фальсификация доказательств по гражданскому делу была способом совершения мошеннических действий К. и дополнительной квалификации не требовала³. По другому уголовному делу судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда, отменяя своим определением от 20 декабря 2010 г. в кассационном порядке приговор Чертановского районного суда г. Москвы от 1 ноября 2010 г. в части осуждения О.Е.В. по ч. 1 ст. 306 УК РФ, ч. 1 ст. 307 УК РФ, указала, что действия О.Е.В., направленные на хищение чужого имущества, не образуют составов самостоятельных преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 306 и ч. 1 ст. 307 УК РФ, поскольку заведомо ложное сообщение О.Е.В. о хищении ее автомашины и дача впоследствии заведомо ложных показаний по данному факту являлись способом хищения⁴.

Сложившаяся практика квалификации рассматриваемых общественно опасных действий как единого преступления, когда обман, выступая и способом мошенничества, и содержанием деяния, посягающего на интересы правосудия или порядок управления, представляется далеко не бесспорной с позиции надлежащей оценки их общественной опасности и подвергается

обоснованной критике рядом современных исследователей [26, с. 43; 27, с. 93].

Анализируя влияние рассматриваемых способов совершения преступления на характеристику его общественной опасности, нельзя не затронуть еще один аспект. При совершении ряда преступлений против собственности обман может выступать не в качестве способа их совершения, а использоваться для облегчения совершения преступления, например обеспечения доступа к похищаемому имуществу. В указанном случае одни авторы оценивают обман как условие совершения преступления [20, с. 66–67; 28, с. 78], другие — как средство совершения преступления [14, с. 61–62]. Полагаем, что более предпочтительной является оценка обмана в рассматриваемых случаях как средства совершения преступления, так как уголовному закону и уголовно-правовой теории понятие «условие совершения преступления» незнакомо, оно заимствовано из криминологической науки и криминалистики, что вряд ли верно. Вместе с тем оценка обмана как средства совершения преступления также не безупречна с точки зрения уголовно-правовой теории [21, с. 15–16]. В рассматриваемых случаях обман, выступая своеобразным средством совершения преступления, находится в меньшей взаимосвязи с общественно опасным деянием, чем способ его совершения, в связи с чем влияние обмана на степень общественной опасности по сравнению со способом представляется минимальным.

Использование лжи и обман в целом рассматриваются рядом исследователей как «информационные» способы совершения преступления [21, с. 57; 24, с. 102; 29, с. 94–95]. Эту позицию разделяет и Л.А. Букалерева, по мнению которой «информационный» способ воздействия угрозы на объекты информационной безопасности включает в себя манипулирование информацией (дезинформацию, сокрытие, искажение) [30, с. 119].

Полагаем, что указанная позиция нуждается в существенном уточнении. Л.А. Букалерева относит к числу таких преступлений только ограниченный круг общественно опасных деяний, в которых охраняемая государством официальная информация является предметом преступления либо используется как средство его совершения [30, с. 14]. По нашему мнению, понятие «ин-

² О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 27 дек. 2007 г. № 51 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда от 31 янв. 2013 г. по делу № 22-294 // Там же.

⁴ Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 20 дек. 2010 г. по делу № 22-15919/2010 г. // Там же.

формационного» способа применимо к рассматриваемым нами преступлениям только в том случае, если способ составляет содержание самого преступного деяния, когда «уже сама ложь, происходящая от человека, представляет достаточную общественную опасность, чтобы рассматривать ее как преступление» [25]. В данном случае способ совершения преступления в виде использования лжи, обмана или злоупотребления доверием непосредственно воздействует на охраняемые общественные отношения и напрямую порождает наступление общественно опасных последствий. В этой связи заслуживает поддержки мнение В.В. Крылова о том, что законом прямо предусмотрен запрет на осуществление действий с дефектной информацией, содержание которой заведомо для изготовителя или распространителя не соответствует действительности [31, с. 57–62]. Вместе с тем в преступлениях, в механизме совершения которых ложь, обман и злоупотребление доверием выступают в качестве «вспомогательного» действия, обеспечивающего выполнение основного (например, ст. 159, 165, 176 УК РФ), воздействие на объект уголовно-правовой охраны и возникновение общественно опасных последствий обусловлены рассматриваемыми нами феноменами только косвенно, в обязательной взаимосвязи с другим действием, которое выступает в качестве такого неотъемлемого признака объективной стороны преступления, как общественно опасное деяние (действие). В этой связи мы считаем, что позиция ряда авторов, рассматривающих обман как один из признаков, достаточных для криминализации деяний в сфере экономической деятельности, нуждается в уточнении [2, с. 18; 32, с. 46].

Суммируя вышеизложенное и опираясь на специфику воздействия способа совершения преступления на общественные отношения, составляющие объект уголовно-правовой охраны, а также вытекающее из этой специфики качественное своеобразие возникновения общественно опасных последствий, полагаем возможным сформулировать определение «информационного» способа совершения преступления.

«Информационный» способ совершения преступления нами предлагается рассматривать как имманентное общественно опасному деянию использование информации (ее искажение, оперирование дефектной (ложной) или сокрытие достоверной информации), которое непо-

средственно воздействует на охраняемые общественные отношения и напрямую порождает наступление общественно опасных последствий.

В соответствии с предложенным определением «информационный» способ совершения преступления характеризуется следующими основными признаками:

1. Рассматриваемый способ совершения преступления имманентен общественно опасному деянию, т.е. полностью представляет собой содержание деяния и является необходимым и достаточным для его осуществления (в отличие от способа, выступающего дополнительным действием, создающим необходимые условия для осуществления общественно опасного деяния, составляющего его объективную сторону, такого как, например, обман, необходимый для изъятия имущества, при совершении «традиционного» мошенничества). Иными словами, «информационный» способ совершения преступления с операционной стороны невозможно отделить от самого деяния, равно как и деяние невозможно отделить от рассматриваемого способа.

2. Содержание «информационного» способа представляет собой один из вариантов использования информации или совокупность этих вариантов в любой комбинации: искажение информации; оперирование ложной (дефектной) информацией; сокрытие достоверной информации.

3. «Информационный» способ непосредственно (т.е. при отсутствии взаимосвязи с другим действием) влияет на охраняемые общественные отношения и напрямую (без дополнительных условий) порождает наступление общественно опасных последствий.

4. Воздействие «информационного» способа на объект уголовно-правовой охраны имеет особый механизм, который обуславливает появление специфических для данного объекта общественно опасных последствий. «Информационный» способ совершения преступлений является более универсальным по сравнению с физическим, так как позволяет достигать преступного результата практически во всех сферах общественных отношений, нарушая их нормальное функционирование и, следовательно, порождая возникновение материального и нематериального вреда. Это обусловлено следующими обстоятельствами.

Во-первых, развитие современного общества предполагает ускорение обмена информацией и увеличение объема передаваемых данных, формирование единой информационной среды [30, с. 117]. При этом для общества и отдельных его членов важнейшее значение начинает приобретать истинное знание, «которое вовлечено в познавательную и практическую деятельность субъекта и является для него идеей, нормой, методом, критерием, то есть ценностью» [33, с. 17]. В таком обществе истинное знание может быть воплощено как в духовные, так и в материальные ценности [33, с. 77].

Во-вторых, при рассматриваемом способе совершения преступления особенностью механизма его совершения и образования преступных последствий является то, что преступление воздействует не на предметы материального мира, а на их отражения (т.е. информацию) или символы этих предметов [34, с. 19], что в современных условиях может порождать как материальные, так и нематериальные последствия. При этом размер или тяжесть вреда непосредственно не зависят от интенсивности физической активности, а детерминированы значимостью используемой информации и ее объемом. В отличие от рассматриваемого нами способа совершения преступления физические способы, связанные с воздействием на материальные объекты или физическим воздействием на людей, влекут за собой причинение преимущественно материальных последствий (за исключением физического и психического насилия, причиняющего и моральный вред). При этом интенсивность физической активности, как правило, напрямую детерминирует размер или тяжесть вреда.

Рассматривая вопрос о социальной обусловленности криминализации преступного использования лжи, обмана и злоупотребления доверием, на наш взгляд, необходимо подробнее остановиться на специфике тех общественно опасных последствий, которые порождает использование «информационного» способа совершения преступления.

Установление уголовно-правового запрета на использование лжи, обмана в тех сферах общественных отношений, в которых оперирование недостоверной информацией наносит серьезный урон в виде неличного нематериального вреда (организационно-управленческие,

социально-политические, идеологические, моральные последствия), происходит уже на начальных этапах формирования государства и права. Хотя данный вред и не имел экономического (стоимостного) содержания, вместе с тем оценивался древним законодателем как представляющий серьезную опасность для общества и государства. Указанная оценка такого вреда обуславливалась наступлением негативных последствий в тех сферах общественных отношений, участником которых выступало само государство, его органы и должностные лица. В первую очередь это касалось уголовно-правовой охраны сферы правосудия. Как справедливо отмечает Ю.И. Кулешов, в правосудии ценностью во все времена являлась «правда», т.е. то, что существует в действительности, соответствует реальному положению вещей. Из этого следует, что, в отличие от других сфер общественных отношений, «ложь» в правосудии всегда имела высокую степень общественной опасности, так как создавала угрозу принятия несправедливого решения [35, с. 12]. Соглашаясь с мнением Ю.И. Кулешова, необходимо отметить, что ответственность за лжесвидетельство существовала уже в Древнем Риме в соответствии с законами XII таблиц [36, с. 36]. И в Древнем мире, и в Средние века государство предусматривало чрезвычайно строгую ответственность за использование заведомо ложной информации в сфере правосудия — смертную казнь или наказание по принципу талиона [4, р. 546].

Помимо сферы правосудия, ложь и обман, выступая в качестве «информационного» способа совершения преступления, могут нанести существенный вред отношениям в сфере официального документооборота. Как справедливо указывала по этому поводу Л.А. Букалерева, «особенно опасны противоправные деяния с охраняемой государством официальной информацией, находящейся в сфере государственного и муниципального управления» [30, с. 115]. В связи с этим уголовно-правовой запрет на оборот поддельных документов был предусмотрен еще в Древнем Риме, где первоначально наказывалась подделка завещания, а затем была криминализована подделка и других официальных документов [5, р. 1096–1098]. Аналогичные меры уголовно-правовой охраны документов были предусмотрены и средневековым законодателем. В отечественном уголовном законода-

тельстве запрет подделки официальных документов был предусмотрен значительно позднее (по Судебнику 1550 г.) в связи с тем, что до этого времени официальный документооборот не получил широкого распространения [37, с. 12].

Ложь, обман и злоупотребление доверием, выступая способом совершения преступления, имманентным общественно опасному деянию, способны нанести существенный вред интересам нормальной экономической деятельности и субъектов этой деятельности, в том числе собственности, иным имущественным интересам граждан, общества и государства [38, с. 28]. Не случайно, помимо мошенничества, которое, как указывалось выше, может быть совершено в форме приобретения права на имущество (путем использования «информационного» способа совершения преступления без изъятия имущества), гл. 22 УК РФ предусматривает ряд составов преступлений, которые совершаются указанным способом. Установление уголовно-правового запрета на совершение таких общественно опасных деяний имеет под собой одинаковую социальную основу: развитие рыночных отношений и подчинение реального сектора экономики финансовому привели к расширению возможностей получения имущественной выгоды и причинения имущественного ущерба посредством посягательства не только на отношения собственности, но и на производные от них отношения, складывающиеся в процессе изготовления, обмена, распределения и потребления различных товаров и услуг [39, с. 73]. По мнению американского профессора Д. Альбанезе (Jay S. Albanese), обманные посягательства на имущество становятся преступлениями XXI в. по причине серьезных изменений технологий, средств коммуникации и глобализации. Если в XX в. большую часть денежной массы составляли наличные средства, находившиеся непосредственно под контролем собственника, то в настоящее время ситуация изменилась: оборот безналичных денежных операций значительно превышает оборот наличных, чаще используется привлечение имущества (аренда, лизинг, инвестиции), чем собственные средства [3, р. 7]. Такие посягательства, как указывалось выше, требуют непосредственного воздействия не на материальные ценности (например, их изъятие), а лишь на информацию о них, выраженную в той или иной форме, в связи с чем некоторые из них

по своим признакам сходны с мошенничеством, совершаемым в форме приобретения права на имущество (ст. 165, 171.1, 187, 196, 197 УК РФ).

Развитие рыночных отношений создает условия не только для расширения сферы преступного использования лжи и обмана. Создание крупных производств и корпораций, увеличение финансового сектора, ускорение имущественного оборота приводят к необходимости отстранения собственника от управления имуществом [39, с. 74; 40, с. 98] и появлению таких субъектов экономической деятельности, как управляющие, менеджеры и иные наемные служащие, которым предоставляется определенный объем правомочий по управлению чужой собственностью. Указанные процессы и усложнение социально-экономических связей также обуславливают широкое распространение отношений представительства, позволяющих передавать часть имущественных полномочий для действий в чужих интересах. Обладание указанными правомочиями и отсутствие контроля со стороны собственника позволяют недобросовестным представителям и управляющим действовать в личных интересах, превышая свои полномочия, или вопреки интересам собственника, причиняя ему тем самым имущественный ущерб. Несмотря на то что отечественное уголовное законодательство отводит злоупотреблению доверием роль способа совершения ограниченного числа преступлений (ст. 159, 165, ч. 2 ст. 173.2 УК РФ), а также обстоятельства,отягчающего наказание в случае использования при совершении преступления доверия, оказанного виновному в силу его служебного положения или договора (п. «м» ч. 1 ст. 63 УК РФ), полагаем, что злоупотребление доверием может представлять собой самостоятельное посягательство, в котором способ его совершения имманентен общественно опасному деянию. В связи с изложенным заслуживает поддержки позиция ряда авторов, предлагающих предусмотреть злоупотребление доверием как самостоятельный состав преступления [15, с. 29; 40, с. 278; 41, с. 143–144]. Вопросы уголовно-правовой оценки преступлений, связанных со злоупотреблением доверием, актуальны не только для отечественного правоприменения и правотворчества. В течение длительного времени эти вопросы являются объектом пристального внимания англо-американских криминологов в части, касающейся уголовно-правовой

охраны имущественных интересов корпораций и исследования феномена «беловоротничковой преступности» («white collar crimes») [42], а также виктимологической профилактики [43].

Подводя итоги вышеизложенному, полагаем, что ложь, обман и злоупотребление доверием, выступая способом совершения преступления, имманентно присущим деянию и составляющим его содержание («информационным» спо-

собом), в определенных сферах общественных отношений (правосудие, государственное и муниципальное управление, экономическая деятельность) представляют существенную угрозу их нормальному функционированию, что позволяет рассматривать их в качестве основных признаков, определяющих общественную опасность соответствующих деяний и являющихся основанием для их криминализации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безверхов А.Г. Современная уголовная политика в сфере экономики: в поисках адекватной модели / А.Г. Безверхов // Российская юстиция. — 2012. — № 10. — С. 31–34.
2. Трунцевский Ю.В. В помощь судьям: о признаках криминализации новых видов опасного поведения и их учете при квалификации преступлений и назначении судом наказания / Ю.В. Трунцевский // Российский судья. — 2014. — № 6. — С. 15–19.
3. Albanese J.S. Fraud: The Characteristic Crime of the Twenty-First Century / Jay S. Albanese // Trends in Organized Crime. — 2005. — Vol. 8, № 4. — P. 6–14.
4. Druzin B.H. The Criminalization of Lying: Under What Circumstances, If Any, Lies Should Be Made Criminal / Bryan H. Druzin, Jessica Li // Journal of Criminal Law and Criminology. — 2011. — Vol. 101, iss. 2. — P. 529–573.
5. Green S.P. Deceit and the classification of crimes: Federal Rule of Evidence 609 (A) (2) and the origins of Crimen Falsi / Stuart P. Green // Journal of Criminal Law and Criminology. — 2000. — Vol. 90, № 4. — P. 1087–1124.
6. Таганцев Н.С. Уголовное право : 1 кл. Имп. Алекс. лица. 1876–1877 г. : [Часть Общая и Особенная] / Н.С. Таганцев. — СПб. : Лит. Коплевской, 1877. — 532 с.
7. Лохвицкий А.В. Курс русского уголовного права / А. Лохвицкий. — 2-е изд., испр. и доп., свед. с кассац. решениями. — СПб. : Скоропечатня Ю.О. Шредера, 1871. — 704 с.
8. Жижиленко А.А. Подлог документов: историко-догматическое исследование / А.А. Жижиленко. — СПб. : Нев. тип., 1900. — 756 с.
9. Неклюдов Н.А. Руководство к особенной части русского уголовного права. Сокрытие истины; сокрытие своей личности; лжеприсяга и лжесвидетельство; ложный донос и ябеда; подлог и подделка / Н.А. Неклюдов. — СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1880. — Т. 4. — 592 с.
10. Панов Н.И. Квалификация преступлений, совершаемых путем обмана и злоупотребления доверием : учеб. пособие / Н.И. Панов. — Киев : Изд-во УМК ВО при Минвузе УССР, 1988. — 80 с.
11. Сабитов Р.А. Обман как средство совершения преступления : учеб. пособие / Р.А. Сабитов. — Омск : НИИРИО Ом. ВШМ МВД СССР, 1980. — 79 с.
12. Синигибский И.А. Обман как способ совершения преступления в советском уголовном праве / И.А. Синигибский // История органов внутренних дел и борьба с преступностью. Труды Высшей следственной школы МВД СССР. — Волгоград : НИИРИО ВСШ МВД СССР, 1976. — Вып. 11. — С. 128–134.
13. Жалинский А. О материальной стороне преступления / А. Жалинский // Уголовное право. — 2003. — № 2. — С. 27–29.
14. Хилjuta В. Обман как средство совершения преступления / В. Хилjuta // Юстиция Беларуси. — 2009. — № 3. — С. 61–64.
15. Красикова А.А. Приобретение права на чужое имущество и хищение чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.А. Красикова. — Екатеринбург, 2013. — 213 с.
16. Шепитько М.В. Обман как способ совершения преступления / М.В. Шепитько // Уголовное право и криминология: современное состояние и перспективы развития : сб. науч. тр. — Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2009. — Вып. 5. — С. 255–264.
17. Рыбак А.З. Общественная опасность деяния как правовая категория / А.З. Рыбак // Юрист-Правовед. — 2010. — № 2. — С. 5–9.
18. Рогачкина С.А. Понятие, функции и значение способа совершения преступления / С.А. Рогачкина // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2011. — № 1. — С. 81–85.
19. Шиловский С.В. Способ совершения преступления как признак уголовно-наказуемого деяния и дифференцирующее средство : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С.В. Шиловский. — Архангельск, 2014. — 231 с.
20. Сабитов Р.А. Уголовно-правовая оценка обманов и действий, совершенных с документами / Р.А. Сабитов, Е.Ю. Сабитова. — М. : Юрлитинформ, 2012. — 344 с.
21. Панов Н.И. Уголовно-правовое значение способа совершения преступления : учеб. пособие / Н.И. Панов. — Харьков : Вища шк., 1984. — 112 с.
22. Малышева Ю.Ю. Преступления, совершаемые путем обмана, по уголовному праву современной России / Ю.Ю. Малышева. — Казань : Ун-т управления «ТИСБИ», 2014. — 176 с.
23. Кругликов Л.Л. Способ совершения преступления (вопросы теории) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Л.Л. Кругликов. — Свердловск, 1971. — 18 с.

24. Якубович О.Р. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / О.Р. Якубович. — М., 2004. — 258 с.
25. Медведев Е.В. Ответственность за ложь по российскому уголовному законодательству / Е.В. Медведев // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер. Юридические науки. — 2010. — № 3 (3). — С. 125–126.
26. Летников Ю. Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ / Ю. Летников, А. Тарбагаев // Уголовное право. — 2014. — № 6. — С. 42–49.
27. Смолин С. Обман суда: способ мошенничества или преступление против правосудия? / С. Смолин // Уголовное право. — 2015. — № 1. — С. 91–95.
28. Ситникова М.Ю. Обман как способ и условие совершения хищения / М.Ю. Ситникова // Преемственность и новации в юридической науке : материалы науч. конф. адъюнктов и соискателей. — Омск : Изд-во Ом. акад. МВД России, 2006. — Вып. 2. — С. 77–79.
29. Горшенков Г.Н. К понятию «информационная преступность» / Г.Н. Горшенков // Российский криминологический взгляд. — 2005. — № 4. — С. 93–96.
30. Букалерева Л.А. Информационные преступления в сфере государственного и муниципального управления: законотворческие и правоприменительные проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Л.А. Букалерева. — М., 2007. — 574 с.
31. Крылов В.В. Информация как элемент криминальной деятельности / В.В. Крылов // Вестник Московского университета. Сер. Право. — 1998. — № 4. — С. 50–64.
32. Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере / под ред. В.И. Радченко, Е.В. Навикова, А.Г. Федотова. — М. : Фонд «Либеральная миссия», 2010. — 196 с.
33. Корнев Г.П. Идеонормативная концепция истины: философия и правоприменение / Г.П. Корнев. — М. : Акад. проект, 2006. — 352 с.
34. Пермьяков Ю.Е. Философские основания юриспруденции / Ю.Е. Пермьяков. — Самара : Самар. гуманитар. акад., 2006. — 248 с.
35. Кулешов Ю.И. Некоторые аспекты эволюции правовых норм об ответственности за преступления против правосудия в российском законодательстве / Ю.И. Кулешов // История государства и права. — 2010. — № 14. — С. 12–16.
36. Адам Л. Ложь в праве / Л. Адам. — Харьков : Юрид. изд-во Украины, 1929. — 48 с.
37. Семенов Р.Б. Уголовно-правовая оценка подлога документов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Р.Б. Семенов. — М., 2006. — 26 с.
38. Ларичев В.Д. Преступность экономической направленности / В.Д. Ларичев. — М. : Юрлитинформ, 2011. — 160 с.
39. Хиллута В.В. Преступления в сфере экономической деятельности: понятие и сущность уголовно-правовой охраны / В.В. Хиллута // Право и безопасность. — 2009. — № 4 (33). — С. 71–75.
40. Безверхов А.Г. Имущественные преступления / А.Г. Безверхов. — Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2002. — 359 с.
41. Розенцвайг А.И. Категории «обман» и «злоупотребление доверием» в главе 21 УК РФ: современные вопросы толкования и законодательной техники / А.И. Розенцвайг // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер. Юридические науки. — 2010. — № 2. — С. 142–144.
42. Podgor E.S. The Challenge of White Collar Sentencing / Ellen S. Podgor // Journal of Criminal Law and Criminology. — 2007. — Vol. 97, iss. 3. — P. 731–760.
43. Button M. The «fraud justice network» and the infra-structure of support for individual fraud victims in England and Wales / Mark Button, Jacky Tapley, Chris Lewis // Criminology and Criminal Justice. — 2013. — Vol. 13, № 1. — P. 37–61.

REFERENCES

1. Bezverkhov A.G. Contemporary criminal policy in the sphere of economics: looking for an adequate model. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2012, no. 10, pp. 31–34. (In Russian).
2. Truntsevskii Yu.V. To help judges: on features of criminalization of new types of dangerous behavior and record thereof in qualification of crimes and assignment of punishment by the court. *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*, 2014, no. 6, pp. 15–19. (In Russian).
3. Albanese S. Jay. Fraud: the characteristic crime of the 21st century. *Trends in Organized Crime*, 2005, vol. 8, no. 4, pp. 6–14.
4. Druzin H. Bryan, Li Jessica. The criminalization of lying: under what circumstances, if any, lies should be made criminal. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 2011, vol. 101, iss. 2, pp. 529–573.
5. Green P. Stuart. Deceit and the Classification of Crimes: Federal Rule of Evidence 609 (A) (2) and the origins of Crimen Falsi. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 2000, vol. 90, no. 4, pp. 1087–1124.
6. Tagantsev N.S. *Ugolovnoe pravo: 1-go klassa Imperatorskogo Aleksandrovskogo Litseya 1876–1877 gg.* [Criminal Law: 1 grade of Emperor Aleksander's Lyceum 1876–1877]. Saint Petersburg, Koplevskaya Publ., 1877. 532 p.
7. Lokhvitskii A.V. *Kurs russkogo ugovnogo prava* [A Course of Russian Criminal Law]. 2nd ed. Saint Petersburg, Yu.O. Shreder Publ., 1871. 704 p.
8. Zhizhilenko A.A. *Podlog dokumentov: istoriko-dogmaticheskoe issledovanie* [Forgery of Documents: a Historic and Dogmatic Study]. Saint Petersburg, Nevskaya Tpopografiya Publ., 1900. 756 p.
9. Neklyudov N.A. *Rukovodstvo k osobennoi chasti russkogo ugovnogo prava. Sokrytie istiny; sokrytie svoei lichnosti; Izheprisyaga i Izhesvidetel'stvo; lozhnyi donos i yabeda; podlog i poddelka* [Manual to the Special Part of Russian Criminal Law. Concealment of the Truth; Concealment of one's Identity; False Oath and Perjury; False Denunciation and Slander; Forgery and Falsification]. Saint Petersburg, M.M. Stasyulevich Publ., 1880. Vol. 4. 592 p.

10. Panov N.I. *Kvalifikatsiya prestuplenii, sovershaemykh putem obmana i zloupotrebleniya doveriem* [Qualification of crimes committed through deception and abuse of trust]. Kiev, Methodology Office on Higher Education at the Ministry of Higher Education of Ukrainian SSR Publ., 1988. 80 p.
11. Sabitov A. *Obman kak sredstvo soversheniya prestupleniya* [Deception as a Method of Committing a Crime]. Research Department, Omsk Higher School of Militia, Ministry of Internal Affairs of the USSR Publ., 1980. 79 p.
12. Sinigibskii I.A. Deception as a method of committing a crime in Soviet criminal law. *Istoriya organov vnutrennikh del i bor'ba s prestupnost'yu. Trudy Vysshei sledstvennoi shkoly MVD SSSR* [History of Internal Affairs Bodies and Fighting Crime. Research Papers of Higher School of Investigation, Ministry of Internal Affairs of the USSR]. Volgograd, Research Department, Omsk Higher School of Militia, Ministry of Internal Affairs of the USSR Publ., 1976, iss. 11, pp. 128–134. (In Russian).
13. Zhalinskii A. On the material side of crimes. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2003, no. 2, pp. 27–29. (In Russian).
14. Khilyuta V. Deception as a method of committing a crime. *Yustitsiya Belarusi = Justice of Belarus*, 2009, no. 3, pp. 61–64. (In Russian).
15. Krasikova A.A. *Priobretenie prava na chuzhoe imushchestvo i khishchenie chuzhogo imushchestva putem obmana ili zloupotrebleniya doveriem. Kand. Diss.* [Acquiring a right to alien property and larceny of alien property through deception or abuse of trust. Cand. Diss.]. Yekaterinburg, 2013. 213 p.
16. Shepit'ko M.V. Deception as a method of committing a crime. *Ugolovnoe pravo i kriminologiya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Criminal Law and Criminology: Contemporary Condition and Development Prospects]. Voronezh State University Publ., 2009, iss. 5, pp. 255–264. (In Russian).
17. Rybak A.Z. Public danger of an action as a legal category. *Yurist-Pravoved = Lawyer-Legal Scholar*, 2010, no. 2, pp. 5–9. (In Russian).
18. Rogachkina S.A. The concept, function and meaning of the method of committing a crime. *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik = North Caucasus Legal Bulletin*, 2011, no. 1, pp. 81–85. (In Russian).
19. Shilovskii S.V. *Sposob soversheniya prestupleniya kak priznak ugolovno-nakazuemogo deyaniya i differentsiruyushchee sredstvo. Kand. Diss.* [Modus Operandi of a Crime as an Attribute of a Crime and a Differentiation Tool. Cand. Diss.]. Arkhangel'sk, 2014. 231 p.
20. Sabitov R.A., Sabitova E.Yu. *Ugolovno-pravovaya otsenka obmanov i deistvii, sovershennykh s dokumentami* [Criminal Law Assessment of Deception and Tempering with Documents]. Moscow, Yurлитinform Publ., 2012. 344 p.
21. Panov N.I. *Ugolovno-pravovoe znachenie sposoba soversheniya prestupleniya* [Criminal Law Significance of a Crime's Modus Operandi]. Kharkov, Vishcha shkola Publ., 1984. 112 p.
22. Malysheva Yu.Yu. *Prestupleniya, sovershaemye putem obmana, po ugolovnomu pravu sovremennoi Rossii* [Crimes Committed through Deception in the Criminal Law of Contemporary Russia]. Kazan, University of Management «TISBI» Publ., 2014. 176 p.
23. Kruglikov L.L. *Sposob soversheniya prestupleniya (voprosy teorii). Avtoref. Kand. Diss.* [A Crime's Modus Operandi (theoretical issues). Cand. Diss. Thesis]. Sverdlovsk, 1971. 18 p.
24. Yakubovich O.R. *Sposob soversheniya prestupleniya i ego ugolovno-pravovoe znachenie. Kand. Diss.* [A Crime's Modus Operandi and its Criminal Law Significance. Cand. Diss.]. Moscow, 2004. 258 p.
25. Medvedev E.V. Liability for Lying in Russian Criminal Legislation. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta = Science Vector of Tagliatti State University*, 2010, no. 3 (3), pp. 125–126. (In Russian).
26. Letnikov Yu., Tarbagaev A. The problems of classification of crime envisaged by article 159.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2014, no. 6, pp. 42–49. (In Russian).
27. Smolin S. Deceiving the court: a fraud or a crime against justice? *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2015, no. 1, pp. 91–95. (In Russian).
28. Sitnikova M.Yu. Deception as a way and a condition of theft. *Preemstvennost' i novatsii v yuridicheskoi nauke. Materialy nauchnoi konferentsii ad'yunktov i soiskatelei* [Succession and Innovations in Legal Science. Materials of a Research Conference of Adjuncts and Applicants]. Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2006, iss. 2, pp. 77–79. (In Russian).
29. Gorshenkov G.N. To the notion «informational criminality». *Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad = Russian Criminological Outlook*, 2005, no. 4, pp. 93–96. (In Russian).
30. Bukalero L.A. *Informatsionnye prestupleniya v sfere gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya: zakonotvorcheskije i pravoprimeritel'nye problemy. Dokt. Diss.* [Informational Crimes in State and Municipal Governance: Lawmaking and Law Enforcement Issues. Doct. Diss.]. Moscow, 2007. 574 p.
31. Krylov V.V. Information as an element of criminal activities. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11, Pravo = Moscow University Bulletin, Series 11, Law*, 1998, no. 4, pp. 50–64. (In Russian).
32. Radchenko V.I., Novikov E.V., Fedotov A.G. (eds). *Kontseptsiya modernizatsii ugolovnogo zakonodatel'stva v ekonomicheskoi sfere* [The Concept of Modernizing Criminal Legislation in the Sphere of Economics]. Moscow, Foundation «Liberalnaya missiya» Publ., 2010. 196 p.
33. Kornev G.P. *Ideonormativnaya kontseptsiya istiny. Filosofiya i pravoprimerenie* [Ideo-normative Concept of the Truth. Philosophy and Law Enforcement]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2006. 352 p.
34. Permyakov Yu.E. *Filosofskie osnovaniya yurisprudentsii* [Philosophical Basis of Jurisprudence]. Samara Academy for the Humanities Publ., 2006. 248 p.
35. Kuleshov Yu.I. Some aspects of the evolution of legal norms on liability for crimes against justice in Russian legislation. *Istoriya gosudarstva i prava = The History of State and Law*, 2010, no. 14, pp. 12–16. (In Russian).
36. Adam L. *Lozh' v prave* [Lies in Law]. Kharkov, Ukrainian Law Publishing House, 1929. 48 p.

37. Semenov R.B. *Ugolovno-pravovaya otsenka podloga dokumentov. Avtoref. Kand. Diss.* [Criminal Law Assessment of the Forgery of Documents. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2006. 26 p.
38. Larichev V.D. *Prestupnost' ekonomicheskoi napravlenosti* [Crimes of the Economic Type]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2011. 160 p.
39. Khilyuta V.V. Crimes in sphere of economic activities: concept and essence of criminal law protection. *Pravo i bezopasnost' = Law and Security*, 2009, no. 4 (33), pp. 71–75. (In Russian).
40. Bezverkhov A.G. *Imushchestvennye prestupleniya* [Crimes against Property]. Samara State University Publ., 2002. 359 p.
41. Rozentsvaig A.I. Categories «deception» and «dishonesty» in the 21st chapter of the criminal code of Russian Federation: present questions of interpretation and legislative technique. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Yuridicheskie nauki = Science Vector of Togliatti State University. Legal Sciences Series*, 2010, no. 2, pp. 142–144. (In Russian).
42. Podgor S. Ellen. The challenge of white collar sentencing. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 2007, vol. 97, iss. 3, pp. 731–760.
43. Button Mark, Tapley Jacky, Lewis Chris. The «fraud justice network» and the infrastructure of support for individual fraud victims in England and Wales. *Criminology and Criminal Justice*, 2013, vol. 13, no. 1, pp. 37–61.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смолин Сергей Владимирович — доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Кировского филиала Московского гуманитарно-экономического института, кандидат юридических наук, г. Киров, Российская Федерация; e-mail: svsmolin79@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Smolin, Sergey V. — Ass. Professor, Chair of Criminal Law Disciplines, Kirov Affiliate, Moscow Humanitarian Economic Institute, Ph.D. in Law, Kirov, the Russian Federation; e-mail: svsmolin79@mail.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Смолин С.В. Социальная обусловленность криминализации преступного использования лжи, обмана и злоупотребления доверием / С.В. Смолин // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2016. — Т. 10, № 1. — С. 126–137. — DOI : 10.17150/1996-7756.2016.10(1).126-137.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Smolin S.V. Socially conditioned criminalization of lies, deception and abuse of trust. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2016, vol. 10, no. 1, pp. 126–137. DOI: 10.17150/1996-7756.2016.10(1).126-137. (In Russian).